

гия (которая приписывается даже А. Гротендику, утверждавшему, что математика не нуждается в религии) (с. 185), причем авторы отмечают возвращение в последние годы в математическую Москву «удивительной, почти религиозной» атмосферы (с. 107). Такие религиозные гиперболы никак не оправданы для «беспристрастного» историко-научного труда (как анонсируется книга).

Грэхем и Кантор недостаточно восприимчивы к критике. Так, за несколько лет до выхода их книги, стержневые ее идеи были опубликованы в журнальном варианте²⁷, который сопровождался довольно подробными критическими комментариями протоиерея А. Геронимуса, С. С. Демидова и А. Н. Паршина²⁸. Однако эти замечания услышаны авторами не были. Надо полагать, они остались слишком замороженными своей идеей обусловленности возникновения и достижений Московской математической школы имяславием.

Поиск философской, социальной и политической обусловленности научных открытий является важной и нетривиальной задачей. Предложенное в книге Грэхема и Кантора его решение для случая Московской математической школы начала XX в. оказалось, к сожалению, малоудачным. Тем не менее, это вовсе не означает, что экстернализм как направление в современной философии науки исчерпал свои возможности. Отнюдь. Это означает лишь то, что рассуждения о социально-политических предпосылках тех или иных научных открытий и направлений требуют более тонкого и взвешенного подхода.

Г. И. СИНКЕВИЧ

РЕЛИГИЯ И НАУКА В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ И ФРАНЦИИ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Эта недавно вышедшая на русском языке книга Л. Грэхема и Ж.-М. Кантора – не первая их работа по истории русской науки, позволяющая взглянуть со стороны на процессы, происходившие в культурном и научном мире России и Европы. Книга посвящена связи религиозных течений начала XX в. с русской математикой. Авторы исследовали огромный материал, посвященный научной жизни Франции и России последней трети XIX – первой трети XX в., а также имяславию, возникшему как религиозное течение в 1907-м и подвергшемуся репрессиям в 1913 г. В это время в мировой математике происходили коренные изменения, ставшие следствием создания в последней трети XIX в. Г. Кантором теории множеств. Она позволила математике приобрести свободу фундаментальной науки, освободила ее от зависимости от прикладных наук. Прежде все понятия математики имели неперемнную связь с геометрией, физикой, механикой. Теория Кантора дала возможность формулировать новые понятия, обусловленные внутренней логикой математики, ее языка.

²⁷ Грэхем Л., Кантор Ж.-М. Два подхода к оценке математики как феномена культуры: Франция и Россия, 1890 – 1930 // ВИЕТ. 2006. № 3.

²⁸ Геронимус, Демидов, Паршин. Некоторые замечания...

Изменился тип определений, они стали в большей степени описательными, что вызвало к жизни новый тип математической теории – дескриптивную теорию множеств. Эта теория, возникшая в результате анализа Р. Бэром, Э. Борелем, А. Лебегом, Ж. Адамаром, А. Пуанкаре и др. теории множеств Кантора и ее противоречий, была подвергнута дальнейшей разработке в работах математиков московской школы – Д. Ф. Егорова, Н. Н. Лузина и их учеников. Авторы совершенно справедливо связывают интерес к дескриптивной теории множеств со стороны российских ученых с общими тенденциями, наблюдаемыми в то время в России в развитии языка, литературы, искусства и религии. По мнению авторов, определяющим здесь было увлечение религиозным учением, возникшим на российской почве в 1907 г., и получившим название «имяславие». Можно не согласиться с признанием авторами за этим учением ведущей роли в развитии дескриптивной теории множеств в Москве, но эта роль была, безусловно, важна; высокой оценки заслуживает также анализ связи особенностей математической культуры Франции с рационалистическими традициями картезианства и позитивизма. В книге используется богатый документальный материал, со многими свидетелями описываемых событий авторы беседовали лично. Особенно ярко показаны межличностные отношения математиков в их творческом, профессиональном взаимодействии.

Приятное впечатление производит и полиграфическое качество книги – расположение текста, организация сносок и иллюстраций, малое количество опечаток (с. 66 и 171). К недосмотру редактора отнесем встречающееся слово «приподнес» (с. 212, 138).

Следует высоко оценить работу переводчика – язык книги отличается плавностью, хотя оригинальный текст возможно, и представлял трудности в силу обращения авторов к различным разделам науки и разноязычным цитатам. Впрочем, в некоторых случаях при переводе большее внимание следовало уделить затекстовому образу, тому, что хотел сказать автор, иначе возникают искажения смысла. Например, при переводе фразы Лузина *Nommer, c'est avoir individu* как «Именованье – значит иметь индивидуальность» следовало учесть, что последний владел французским небезупречно и имел в виду «Именованье – означает придать индивидуальность», что подтверждается всеми его высказываниями в других работах, где он имеет в виду именование как раз математического объекта, а не говорящего. К сожалению, этот искаженный перевод повторяется на с. 92, 99, 196, 208. Сожаление вызывает также калька с английского русского математического каламбура «нечастичные дифференциальные уравнения», «конечно малая величина». Нетрудно было бы посмотреть в русской литературе, что на самом деле молодые ученики Лузина уравнения с частными производными в шутку называли «уравнениями с несчастными производными», «конечные разности» называли «разными конечностями» и т. д. (с. 103). Огорчает попытка переводчика перевести эпиграф на с. 92 из статьи А. Белого «Магия слов» с английского («Именуя объект, я тем самым утверждаю его существование») и дать свое толкование английского перевода («Когда я говорю “я”, я создаю звуковой символ; я утверждаю этот символ как существующий»), вместо того, чтобы обратиться к оригиналу: «Когда я называю словом предмет, я утверждаю его существование» (вторая фраза в статье Белого).

На с. 116 теорема Кантора переведена с ошибкой: «Кантор попытался вообразить все возможные подмножества континуума (\mathbf{R} , прямая действительных чисел) и дать их математическое описание. Выполнить это оказалось трудно, поскольку подмножества всех действительных чисел могли быть совершенно разными. Для любого такого подмножества следовало доказать, что существует одна из двух возможностей: либо оно – неисчислимое, либо находится во взаимно-однозначном соответствии с точками множества \mathbf{R} ». Математики поймут, что эта формулировка абсурдна, но обратимся к самому Кантору:

Каждое отдельное множество точек можно рассматривать как представителя того класса, к которому оно принадлежит.

Прежде всего здесь появляется класс точечных множеств, перечислимых в бесконечности, т. е. тех точечных множеств, которые имеют равную мощность с последовательностью натуральных чисел $1, 2, 3, \dots, v, \dots$ и, следовательно, могут быть представлены в форме простой бесконечной последовательности [...]

Затем перед нами выступает тот класс линейных точечных множеств, представителем которого мы считаем любой непрерывный интервал [...]

Являются ли два указанных класса единственными, на которые распадаются линейные точечные множества, – это здесь пока исследовать не будет; напротив, мы хотим доказать, что они являются действительно различными классами¹

(*denumerable* – счетный, а переведено как несчетный).

Обратим внимание на исторические неточности, допущенные авторами. На с. 28 сказано, что родители Георга Кантора были евреями. Но евреем, крещенным в лютеранскую веру, был только его отец, Георг Вольдемар Кантор, а мать, Мария Кантор-Бём (Vöhm), была католичкой и дочерью венгерского скрипача Франца Бёма и чешской скрипачки Марии Моравек, проживавших и концертировавших в Санкт-Петербурге².

На с. 85–86 приведена фраза: «Хотя гомосексуальность играла определенную роль в ранние годы существования Московской математической школы, никаких свидетельств о гомосексуальной связи Лузина и Флоренского нет». Это утверждение подобно такому: «Эти люди никогда не крали серебряных ложек, во всяком случае, у нас нет доказательств».

На с. 104 сказано, что здание Московского университета было построено в 1830-х гг. по указу Николая I. На самом же деле Николай I в 1832 г. выкупил недостроенную усадьбу Пашкова и приказал ее перестроить. Это было сделано в 1833–1836 гг. под руководством архитектора Е. Тюриня.

На с. 117 говорится, что В. Серпинский попал в России в тюрьму. Это не соответствует действительности – в 1914 г. он гостил в Белоруссии у родственников жены и как подданный Австро-Венгрии был лишь интернирован и сослан в Вятку, откуда стараниями Б. К. Млодзеевского довольно быстро

¹ Кантор Г. Über unendliche lineare Punktmannigfaltigkeiten (1879) // Кантор Г. Труды по теории множеств. М., 1985. С. 42–43.

² Синкевич Г. И. Бем. Семья скрипачей // Musicus. 2010. № 5 (24). С. 54–59.

переехал в Москву³. На этой же странице написано, что М. Суслин был родом из Саратова, в то время как он родился в селе Красавка Балашовского уезда Саратовской губернии.

На с. 159 указано, что «Л. В. Келдыш, вместе с Лузиным, Бари и другими членами “Лузитании”, работала вместе с Серпинским в Варшаве (он возвратился туда в 1919 году)». Это ничем не подтверждается, напротив, заметим, что Серпинский уехал в Варшаву в начале 1918 г. (Лузин лишь кратковременно посещал Варшаву), а Людмиле Келдыш в 1918 г. было 14 лет.

На с. 136 обсуждается вопрос о «правильности» надгробного креста на могиле Егорова. Но имя часто писали с тыльной стороны надгробия, таким образом, крест каноничен.

Весьма интересны рассуждения авторов о рационализме французских математиков Бореля, Лебега и Бэра, позволившим им анализировать противоречия «учения о множествах» Кантора и развивать его теорию, но остановившую их, когда начались логические трудности. Авторы полагают, что русские математики Егоров и Лузин смогли продолжить эти исследования и получить значительные результаты благодаря русской религиозности и особенно имяславью:

Воодушевленные мистической верой в силу имяславия, которую афонские монахи распространили по России, русские сумели перешагнуть через пропасть. В разной реакции французов и русских на теорию множеств очевидно влияние различных культурных традиций (с. 35).

К сожалению, авторы не раскрывают причин французского рационализма, приведенный материал носит скорее личностный характер. Несомненно, интересно прочитать об особенностях, личных и семейных отношениях французских математиков, но, к сожалению, различие их взглядов не проанализировано. Как три мушкетера, они представляют единую позицию «интеллектуальной среды Франции – страны Рене Декарта и Огюста Конта, родины могучей традиции рационализма» (с. 38). «Всех троих объединяла страстная любовь к математике, а также сходные вкусы и интересы. Так возникла “французская троица”» (с. 47). Но эти математики стояли на различных позициях по отношению к определению бесконечности, гипотезы континуума и аксиомы выбора – и в философском, и в методологическом смысле. Остается лишь пожалеть, что имея материал под руками, авторы привлекли лишь его суетный событийный верхний слой. Нет анализа различия в понятиях меры, введенных Борелем и Лебегом, понятиях измеримых множеств, различия их взглядов на то, что выходит за пределы математики (по выражению Бореля, *en dehors des mathématiques* (вне математики), хотя, пожалуй, здесь и лежат основные различия между ними.

Очень жаль, что в описываемых событиях, в развитии теории множеств во Франции не оценена роль французского языка, к которому после латыни в XVII в. перешла роль *lingua franca*. Именно на этом языке было формали-

³ Синкевич Г. И. Открытие В. Серпинским двойственности между мерой и категорией // Историко-математические исследования. М., 1986. Вып. 30. С. 113–123.

зовано словесное описание логических законов в «Грамматике Пор-Рояля» и «Логике Пор-Рояля». Возможно, что интереснейшая проблема, поднятая авторами, имеет свое объяснение как раз в истории языка как французского, так и русского.

Авторы познакомились с большим объемом литературы по истории русского имяславия и истории русской математики. Хочется заметить, что их утверждение: «Русские математики, которые позже изучали теорию множеств у Бореля и Лебега, хотели объединить философские – и более того, религиозные – проблемы с математикой» (с. 39) не может быть распространено на всех русских математиков, хотя, конечно, для русских характерно влияние религиозной национальной философии XIX в. и интерес к философии. Нельзя согласиться и со следующим положением:

В той разновидности мистицизма, что была представлена русскими имяславцами, связь между математикой и религией выходила на новый уровень. В начале XX столетия математики были озадачены появлением новых разновидностей бесконечности, предложенных Георгом Кантором, который, казалось, сделал их реальными, дав им имена. Некоторые полагали, что их создавал сам акт именованя. И здесь русские имяславцы совершили открытие: они верили, что делали Бога реальным, славя его имя, а математики из их числа считали, что делают бесконечности реальными, сходным образом сосредоточившись на их именах (с. 96).

Но из математиков к кружку имяславцев принадлежали лишь Д. Ф. Егоров, Н. Н. Бухгольц, В. Н. Лосева-Соколова. Как свидетельствует А. Тахо-Годи в книге о Лосеве,

сохранился в деле А. Ф. Лосева замечательный документ, являющийся, можно сказать, неким «Символом веры» имяславцев, собиравшихся вокруг Егорова и Лосевых (л. 218–219). Он начинается словами «Во Имя Отца и Сына и Св. Духа». Следуя апостольскому завету «держатъ предание», «ревнующа о чистоте св. православной веры, ныне поругаемой и гонимой, исповедуем сие». Далее идут пять пунктов, из которых второй включает в себя еще три (сразу видно, что составлял Лосев, да и почерк его собственный). Здесь говорится о бедственном положении Церкви, об ее «духовном оскудении», о послании Св. Синода от 18 мая 1913 года, «официально закрепляющем впадение ее в ересь», направленную против почитания Имени Божия. Документ излагает все три лжедогмата, провозглашенных этим посланием. А именно: Имя Божие не в молитве, а «на деле» есть «только имя, а не сам Бог и не Его свойства, название предмета, а не сам предмет» и не есть «энергия Божия». И чудеса не творятся Именем Божиим, и святые таинства совершаются не Именем Божиим, «а по молитве и вере Церкви», от ее лица.

А. Ф. Лосев и его сотоварищи утверждают здесь свою веру и свое исповедание, что Имя Божие чудно по существу, свято само в себе, славно и препрославлено есть, а Слава Имени Божия вечна и бесконечна, как Бог, – сопроводжая эти утверждения ссылками на великих святителей. Посему, если сказано: «Да не будут тебе бози инии, разве Мене, то и Имя Божие, поелику в Церкви славится и восхваляется, не должно быть отделяемо от Существа Божия: как веровала и исповедовала Вселенская

св. Православная Церковь, всякое слово Божие, произнесенное устами Божиими, есть Бог, равно так и всякое Имя Божие, изреченное устами Самого Бога, есть Бог.

И сию веру нашу в Слово Божие и во Имя Божие утверждаем собственноручною подписью». Так кончается это исповедание истинно православной веры, как бы завершая споры средневековых схоластов реалистов и номиналистов, нынешних механистов-позитивистов и диалектиков-идеалистов. Под этим замечательным документом стоят собственноручные подписи: Дмитрий Егоров, профессор Московского университета, Алексей Лосев, Николай Соловьев, Александр Сузин, Павел Попов, Валериан Муравьев, Валентина Лосева, артист М. Н. Хитрово-Крамской, Николай Бухгольц, Григорий Рачинский.

Здесь подписи людей ученых, математиков, физиков, философов, психологов, историков, почтенных и молодых, и среди них – человек искусства – дворянин родом из Орловской губернии Крамского уезда.

Судьба всех их (за исключением скончавшихся к 1930 г. Муравьева и Соловьева) объединится в деле № 100256.

Документ этот написан с определенной долей стилизации под старину и даже по старой орфографии, отмененной в 1918 году. Даты под документом нет, но он относится, несомненно, к году 1922-му, когда все еще ожидалось решение по делу имяславцев самим патриархом Тихоном ⁴.

Из упомянутых здесь математиков теорией множеств занимался лишь Егоров, и интересовался философ Лосев. Лузин не принадлежал к этому кружку, никогда его не посещал, что следует из воспоминаний В. Щелкачева «Дорога ученого к истине» ⁵. Сам же Егоров подчеркнуто не смешивал математику и религию ⁶, и кроме того, в своей деятельности не был связан с созданием новых понятий теории множеств. Судя по языку его работ, он не был склонен к введению философских рассуждений в математику. Все определения, введение новых понятий в его лекциях производятся по классической традиции, от общего к частному, сложные проблемы разбиваются на мелкие, влияние Декарта и Коши чувствуется в каждом разделе.

В то же время Тахо-Годи в предисловии к «Истории античной эстетики» Лосева пишет:

С начала 20-х годов Лосев сближается с известными математиками, людьми православными, такими как Н. М. Соловьев, С. П. Фиников, Д. Ф. Егоров, Н. Н. Лузин ⁷.

С 1922 г. начались регулярные имяславские собрания в доме Лосевых на Воздвиженке, а также у П. С. Попова и Д. Ф. Егорова [...] В кружке читал доклады о. П. Флоренский, его члены: президент Московского мате-

⁴ Тахо-Годи А. Лосев. 2-е изд. М., 1997. С. 115–117.

⁵ Щелкачев В. Н. Дорога к истине. М., 2007.

⁶ Демидов С. С. Профессор Московского университета Дмитрий Федорович Егоров и имяславие в России в первой трети XX столетия // Историко-математические исследования. 1999. Вып. 4 (39). С. 123–156.

⁷ Тахо-Годи А. История античной эстетики А. Ф. Лосева как философия культуры // Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 2000. Т. 1. Ранняя классика. С. 3–38.

матического общества Д. Ф. Егоров, В. Н. Муравьев, о. Феодор Андреев, живший преимущественно в Ленинграде, Г. А. Рачинский, проф. Н. Н. Бухгольц, В. Д. Лиорко (будущая супруга М. М. Пришвина), Г. И. Чулков, а также молодые ученые В. Н. Щелкачев, П. А. Черемухин, В. Л. Олсуфьев и др. Связаны с кружком были еп. Феодор (Поздеевский), священник Сверчков, священник А. Воронков⁸.

Имяславцы служили в часовне на Таганке (о. Давид).

Лосев был чрезвычайно увлечен теорией множеств Кантора, о которой он пишет в статье «Имяславие»:

Сущностно-теоретической опорой имяславия стало учение Г. Кантора и его современных последователей о «множествах», в которых можно найти в высшей степени интересные конструкции таких понятий, как «актуальная бесконечность», «мощность», «тип» множества, а также ряд так называемых «парадоксов». Будучи приложенным к имяславия, все это даст ясный образ логической структуры имени в его бесконечном и конечном функционировании⁹.

Правда, заметим, что сам Лосев Кантора не читал, и знаком с теорией множеств по книге Френкеля «Введение в теорию множеств»¹⁰ (ссылка Лосева в «Философии имени» 1927 г.)¹¹.

Установление связи между математической теорией и философией увлекала в большей степени философов, нежели математиков. Ведущая роль в ориентации Московской школы в последней трети XIX в. придана Н. В. Бугаеву, теория разрывных функций которого рассматривалась им в философском контексте и имела широкий резонанс в среде московских математиков¹², хотя его математические результаты и лекции не оценивались так высоко¹³.

Авторы приписывают ведущую роль в формировании философского мировоззрения московских математиков П. Флоренскому, который закончил физико-математический факультет Московского университета и сначала занимался математическими исследованиями, но затем поступил в Московскую духовную академию. Еще студентом в 1902 г. Флоренский писал:

Для меня не составляет сомнения, что наши учителя, по крайней мере некоторые, и среди них я не могу не указать Н. В. Бугаева, что они в значительной мере обладают таким цельным мировоззрением, в центре которого стоит математика¹⁴.

⁸ Священник Димитрий Лескин. Спор об имени Божиим. Философия имени в России в контексте афонских событий 1910 г. СПб., 2004. С. 266.

⁹ Лосев А. Ф. Имяславие // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 53.

¹⁰ Fraenkel, A. Einleitung in die Mengenlehre. Berlin, 1919.

¹¹ Лосев А. Ф. Философия имени. М., 1990. С. 227.

¹² Демидов С. С. Н. В. Бугаев и возникновение московской школы теории функций действительного переменного // Историко-математические исследования. М., 1985. Вып. 29. С. 123.

¹³ Выгодский М. Я. Математика и ее деятели в Московском университете во второй половине XIX века // Историко-математические исследования. М., 1948. Вып. 1. С. 165–175.

¹⁴ Флоренский П. А. Черновик выступления на открытии студенческого математического кружка при Московском математическом обществе // Историко-математические исследования. М., 1990. Вып. 32–33. С. 472.

Флоренский поддерживал дружеские отношения с Егоровым и Лузиным, но характер этих отношений был сложен. Флоренский был приверженцем имяславия и делал доклады на собрании имяславского кружка, по поводу чего с ним поддерживал отношения и переписку Егоров. Математические работы Флоренского Егоров и Лузин оценивали невысоко. Как писал Лузин в 1908 г. жене о Флоренском:

Как только он показал свои работы по математике – опять старое зашевелилось во мне мнение: все его работы не имеют цены в области математики. Намеки, красивые сравнения – что-то упивающее и обещающее, дразнящее, манящее и безрезультативное. И под конец я перестал понимать, что же такое Флоренский? Или это предвестник нового, буреветник, или способный человек с подсознательным адским себялюбием, который из-за желанья быть всех лучше удалился сюда¹⁵.

О неоднозначности личности Флоренского и его отрицательном обаянии пишет также Л. Л. Сабанеев в своих мемуарах:

Очень черный и очень худой, он всегда смотрел почему-то вниз и слегка вбок, глаз своих не любил показывать. Он никогда не улыбался. Странное дело – у него было много учеников, по-видимому, он их обучал не только обычным для духовных наук классическим богословским предметам, но и давал им эзотерические знания и привычки. Трое из его учеников покончили жизнь самоубийством, – из него исходили мощные флюиды, и я сам это чувствовал, чувствовал и то, что не все флюиды были благостные, были и очень демонические.

Не помню точно кто, но один из группы русских «неохристиан», говоря о нем, называл его «умным и жестоким лаврским священником». Во всяком случае, он был человек совершенно необыкновенный, и я очень благодарен судьбе, что она свела его со мною, хотя и ненадолго¹⁶.

Отношения Лузина и Флоренского были неровными, влияние Флоренского на математический поиск Лузина маловероятно. Скорее можно говорить об общей тенденции времени, феномене ренессанса в первой трети XX в. и в математике, и в литературе, и в живописи, и в соединении богословия с философией – уникальное явление русской культуры.

События 1930-х гг., горькие годы русской истории, сталинские репрессии и травля Лузина освещены по-репортерски односторонне, с привкусом желтой прессы. Полагать основным мотивом этих событий карьеризм участников, пожалуй, неверно. Игнорируется доминирующая атмосфера страха, во многом определившая осуждающие высказывания в адрес Лузина. Причем страх создавал защитные формы поведения, не только парализовал, но и вызывал агрессию, направленную на коллег. Флоренский на допросе (1928), принужденный дать показания против Лузина, свидетельствовал, что тот являлся од-

¹⁵ Переписка Н. Н. Лузина с П. А. Флоренским // Историко-математические исследования. М., 1989. Вып. 31. С. 150.

¹⁶ Сабанеев Л. Л. Воспоминания о России. М., 2005. С. 156.

ним из лидеров вышеупомянутого центра, руководил его внешнеполитической деятельностью, встречался с Гитлером и получал от него руководящие инструкции (вместе с Лузиным по делу проходил и С. А. Чаплыгин). Примечательно, что ни Лузин, ни Чаплыгин по этому делу не привлекались¹⁷.

По поводу отношения к имяславию споры не утихли до сих пор. Определение Святейшего Синода от 16–17 мая 1913 г. осудило это течение, но не назвало ересью:

Православное же мудрование об Именах Божиих таково:

Имя Божие свято, и достопоклоняемо, и вожделенно, потому что оно служит для нас словесным обозначением самого превожделенного и святейшего Существа – Бога, Источника всяких благ. Имя это божественно, потому что открыто нам Богом, говорит нам о Боге, возносит наш ум к Богу и пр. В молитве (особенно Иисусовой) Имя Божие и Сам Бог сознаются нами нераздельно, как бы отождествляются, даже не могут и не должны быть отделены и противопоставлены одно другому; но это только в молитве и только для нашего сердца, в богословствовании же, как и на деле, Имя Божие есть только имя, а не Сам Бог и не Его свойство, название предмета, а не сам предмет, и потому не может быть признано или называемо ни Богом (что было бы бессмысленно и богохульно), ни Божеством, потому что оно не есть и энергия Божия.

Имя Божие, когда произносится в молитве с верою, может творить и чудеса, но не само собою, не вследствие некоей навсегда как бы заключенной в нем или к нему прикрепленной Божественной силы, которая бы действовала уже механически, – а так, что Господь, видя веру нашу (Мф. 9, 2) и в силу Своего неложного обещания, посылает Свою благодать и ею совершает чудо.

В частности, святые таинства совершаются не по вере совершающего, не по вере приемлющего, но и не в силу произнесения или изображения Имени Божия, – а по молитве и вере св. Церкви, от лица которой они совершаются, и в силу данного ей Господом обетования¹⁸.

Своеобразие этой проблемы заключается в том, что на момент осуждения Святейшим Синодом в 1913 г. имяславие еще не успело приобрести форму учения (или лжеучения), поэтому его и не квалифицировали как ересь. Теоретические положения имяславия были сформулированы в 1920-е гг. не столько богословами Флоренским или С. Булгаковым, сколько философами, прежде всего Лосевым. Отсюда можно сделать вывод, что это течение лежит в общекультурном русле, оно шире, ближе к общим научным тенденциям, нежели к богословию. Сопряжение истории имяславия и дескриптивной математики

¹⁷ *Demidov, S. S., Ford, Ch.* Luzin and the Affair of the “National Fascist Center” // *History of Mathematics: States of Arts* / Eds. J. Dauben, M. Folkerts, H. Wussing. San Diego, 1996. P. 137–148. Существует трудно проверяемая легенда об этих показаниях Флоренского. В ней говорится, что, доведенный до крайности, он начал давать показания, но так, чтобы построенные на них обвинения рассыпались при малейшей проверке. Например, он мог утверждать, что Лузин встречался с Гитлером тогда, когда он заведомо не выезжал из СССР, и т. п.

¹⁸ Послание Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода № 4183 от 16–17 мая 1913 всесестным братьям, в иночестве подвизающимся, с подробным опровержением учения имябожников // *Церковные ведомости*. 18 мая 1913 г.

неоднозначно, этот вопрос требует более глубокого знакомства с обеими проблемами.

Несмотря на все высказанные замечания, хочется порадоваться за русскоязычного читателя – о событиях истории нашей науки рассказано увлекательно и доступно, чтение рождает желание размышлять, исследовать и спорить.

КОММЕНТАРИЙ Л. ГРЭХЭМА И Ж.-М. КАНТОРА

Мы с чувством глубокой признательности откликнулись на приглашение редакции ответить на три рецензии на нашу книгу и также с благодарностью приняли положительную ее оценку двумя из трех авторов. Третий автор, В. А. Бажанов, в основном критикует нашу работу, и мы, конечно, примем во внимание его замечания. Однако мы уже имели возможность ответить на критику подобного рода на страницах вашего журнала¹, а также во время заседания в «Доме Лосева» 12 декабря 2012 г. Вряд ли есть смысл повторять уже сказанное. Но доктор Бажанов упрекает нас в невосприимчивости к более ранней критике, что прямо противоположно истине: мы тщательно изучили все предъявленные нам замечания и нашли их неверными. И тем не менее мы очень признательны ему за внимание к нашей работе.

Нам было также необычайно приятно, что Президиум Российской академии наук подробно обсуждал нашу книгу на специальном заседании, после чего принял постановление № 8 от 17 января 2012 г., отменившее протокол № 16 от 5 августа 1936 г., осуждавший академика Н. Н. Лузина. Мы горды тем, что сыграли определенную роль в возвращении доброго имени выдающемуся российскому математику.